

УДК 347.15/18
DOI 10.34076/2658_512X_2022_2_68

Лутова Дарья Викторовна

lutovadasha2000@mail.ru
Студентка Юридического Института
ФГБОУ ВО «ОГУ имени И.С.Тургенева»

Научный руководитель:

Сметанина Елена Евгеньевна

Доцент кафедры гражданского права и процесса
Юридического Института ФГБОУ ВО «ОГУ имени
И.С.Тургенева», кандидат юридических наук

Виртуальная личность: доктринальные и практические проблемы идентификации субъектов

Лутова Д. В. Виртуальная личность: доктринальные и практические проблемы идентификации субъектов // Уральский журнал правовых исследований. 2022. № 2. С. 68–73. DOI 10.34076/2658_512X_2022_2_68

Аннотация:

В качестве предмета исследования выступает характеристика концептуально нового явления – виртуальной личности или «электронного» лица. Данная тематика актуальна в виду внедрения цифровых технологий во все сферы жизни общества и, как следствие, участия лиц в гражданском обороте в виртуальном пространстве. В статье анализируются подходы к пониманию правового статуса виртуальной личности, предлагаются пути нормативно-правового закрепления особенностей этого явления. Одна группа ученых считает, что в российском законодательстве необходимо признание нового субъекта права – виртуального лица. Другая группа ученых отстаивает позицию, согласно которой использование информационно-телекоммуникационных технологий в рамках создания виртуального профиля не создает нового субъекта права. Проводится анализ судебной практики по вопросам виртуализации субъекта гражданского права, при этом в качестве основной проблемы выступает идентификация лица. В статье исследуется роль «электронного» лица в государственных программах по внедрению электронных систем и электронных платформ, в частности «Единого портала государственных и муниципальных услуг». В результате проведенного исследования автором делается вывод, что для эффективной защиты пользователей информационных систем необходимо нормативно-правовое регулирование всех уровней «виртуальной» сферы жизни общества. Только признание в доктрине и последующее законодательное закрепление правил о «виртуальной личности» позволит сохранить определенную юридическую последовательность, избежать механической замены или подмены правовых категорий, а также будет стимулировать субъектов гражданского оборота к добропорядочному поведению, защитит их права и интересы в цифровом пространстве в случае нарушения.

Ключевые слова:

виртуальная личность, цифровая проекция, идентификация, цифровая сфера, цифровые правоотношения.

УДК 347.15/18
DOI 10.34076/2658_512X_2022_2_68

Daria V. Lutova

lutovadasha2000@mail.ru
FGBOU VO «OSU named after I.S.Turgenev»
Law Institute, Student

Academic Supervisor:

Elena E. Smetanina

Assistant professor of Civil Law and Process department
FGBOU VO «OSU named after I.S.Turgenev»
Law Institute, Candidate of Juridical Sciences

Virtual Personality: Doctrinal and Practical Problems of Identification of Subjects

Daria V. Lutova 'Virtual personality: doctrinal and practical problems of identification of subjects', Ural Journal of Legal Research, 2022, No. 2. pp. 68–73. DOI 10.34076/2658_512X_2022_2_68

Abstract:

The subject of the study is the characteristic of a conceptually new phenomenon – a virtual personality or an «electronic» person. This topic is relevant in view of the introduction of digital technologies in all spheres of society and, as a result, the participation of persons in civil circulation in the virtual space. The article analyzes approaches to understanding the legal status of a virtual personality, suggests ways of legal and regulatory consolidation of the features of this phenomenon. One group of scholars believes that Russian legislation should recognize a new subject of law – a virtual person. Another group of scientists defends the position according to which the use of information and telecommunication technologies in the framework of creating a virtual profile does not create a new subject of law. The analysis of judicial practice on the issues of virtualization of a subject of civil law is carried out, while the identification of a person is the main problem. The article examines the role of an «electronic» person in government programs for the introduction of electronic systems and electronic platforms, in particular the «Single Portal of State and Municipal Services». As a result of the study, the author concludes that in order to effectively protect users of information systems, it is necessary to regulate all levels of the «virtual» sphere of society. Only the recognition in the doctrine and the subsequent legislative consolidation of the rules on the «virtual personality» will allow maintaining a certain legal consistency, avoiding mechanical replacement or substitution of legal categories, and will also encourage the subjects of civil circulation to behave in good faith, protect their rights and interests in the digital space in case of violation.

Keywords:

virtual personality, digital projection, identification, digital sphere, digital legal relations.

За последнее десятилетие стремительное развитие информационных и компьютерных технологий подтолкнуло человечество к виртуализации многих сфер общественной жизни. На сегодняшний день в информационно-телекоммуникационной среде существует бесконечное множество цифровых платформ, информационных систем, веб-порталов и цифровых пользователей.

Любой пользователь социальных сетей может создать свой виртуальный профиль, используя его не только для коммуникации, но и для реализации товаров, выполнения работ, оказания услуг. Физические и юридические лица, используя информационный образ, представленный знаками и символами, заключают сделки, вступают в переговоры, в целом участвуют в гражданском обороте.

Несмотря на понимание того, что за любым виртуальным профилем скрывается конкретное лицо – гражданин, организация, в ученой среде выделяют проблему «размытия» определенных виртуальных границ для пользователей информационно-телекоммуникационных сетей.

Из норм гражданского законодательства следует, что физические и юридические лица обладают правоспособностью, дееспособностью и деликтоспособностью. Данные правовые категории являются основанием для участия конкретного лица в гражданских правоотношениях. В виду этого в доктрине возникает вопрос – применимы ли классические правила для реальных субъектов, предусмотренные нормами гражданского законодательства, к «цифровым» субъектам?

Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо определить, что следует понимать под «цифровым субъектом». В научной литературе нет единства не только в определении данного понятия, но и в используемой терминологии.

Е.С. Аничкин считает, что цифровой субъект – это лицо, которое является носителем «цифровых» прав и соответствующих им обязанностей [1, с. 20]. А.А. Карцхия дает следующее толкование термина «цифровой субъект»: «...это юридические или физические лица, которые посредством цифровых идентификаторов, включая компьютерные коды, IP-адреса, персональный идентификатор (ID номер), условные обозначения (nick-name и др.), а также в виде цифровых сущностей (искусственный интеллект в различных формах) выступают в гражданских правоотношениях посредством цифровых идентификаторов при распоряжении цифровыми правами, признаваемыми за правообладателями» [2, с. 4].

Одна группа ученых считает, что в российском законодательстве необходимо признание нового субъекта права – «электронного» лица («виртуального» лица). Такое лицо, по их мнению, не является обычным гражданином или юридическим лицом, существует не в материальном, а в виртуальном мире. Также предлагается наделить данное лицо особыми «виртуальными» или «электронными» правами и обязанностями. Ученые не раскрывают и не анализируют содержание таких прав и механизм их законодательного закрепления и реализации [3].

Так, М.А. Арсенова в своем труде предлагает законодательно закрепить понятие «электронного лица», также его основные категории, определить особенности отнесения лица к «электронному» [4, с. 22]. Автор статьи считает, что в данном случае возможно применение аналогии закона, то есть рассмотрение нового субъекта права через призму правовых норм, регулирующих правовой статус реального лица (физического и юридического) и правовых норм, регулирующих особенности закрепления правового положения искусственного интеллекта. Также М.А. Арсенова, рассматривая правовой статус «электронного лица», затрагивает тематику «цифровых» правоотношений.

Анализируя статью М.А. Арсеновой, важно отметить, что автор предлагает

фактически механическое закрепление понятия «электронная личность» с помощью правовых норм, регулирующих статус реальных субъектов гражданского права, и не обосновывает внедрение нового субъекта юридическими фактами, которые являются основанием для возникновения нового рода правоотношений – «цифровых» правоотношений. Относительно возможности применения к «цифровым» правоотношениям аналогии закона, можно оспорить вывод автора в виду следующего. А.В. Тумаков, Н.А. Петраков считают, что природа цифровых правоотношений не ясна, их свойства и качества не определены [5, с. 28]. Авторы отстаивают позицию, согласно которой цифровые правоотношения в ближайшем будущем будут существовать, но не только в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. В связи с расширением глобального цифрового пространства, по мнению А.В. Тумакова и Н.А. Петракова, появится новая среда для цифровых правоотношений – блокчейн. На данный момент не существует законодательного закрепления термина «цифровые правоотношения», поэтому использовать аналогию закона для регулирования правоотношений, природа которых не ясна, нельзя.

Другая группа ученых отстаивает позицию, согласно которой использование информационно-телекоммуникационных технологий в рамках создания виртуального профиля не создает нового субъекта права, за виртуальным профилем «прячется» гражданин или юридическое лицо. В виду этого нет необходимости в законодательном закреплении нового субъекта гражданского права, а права и обязанности виртуального лица есть права и обязанности реального субъекта [6, с. 25].

Так, Л.Ю. Василевская считает, что как такового «виртуального» лица не существует, есть лишь его проекция в виртуальной среде, реальными участниками гражданских правоотношений были и до настоящего дня остаются реальные субъекты права – физические и юридические лица, они лишь реализуют свои правомочия в цифровом пространстве [7, с.70–72]. Используя достижения информационно-телекоммуникационной среды, эти лица создают свою цифровую проекцию, что является отражением реального лица и его возможностью участвовать в гражданском обороте в виртуальном пространстве. Автор считает, что, признав «виртуальное лицо» субъектом права, мы признаем любую цифровую проекцию участником гражданских правоотношений. В виду этого Л.Ю. Василевская убеждена, что ученые, которые называют «виртуальную» личность субъектом гражданского права допускают юридическую ошибку, внедрение в гражданский оборот нового субъекта права должно быть обусловлено основными теоретическими положениями науки гражданского права.

Анализируя работу Л.Ю. Василевской, можно согласиться с тем, что за «виртуальным» лицом всегда «прячется» реальное. В связи с этим, особенное значение имеет вопрос идентификации субъектов в цифровой среде.

При регистрации на различных информационных платформах физические и юридические лица не всегда ограничены строгими требованиями персонализации, что недобросовестных пользователей толкает к злоупотреблению своими правами и возможностями цифрового пространства. Данная ситуация приводит к неблагоприятным последствиям для добросовестных пользователей и к их последующему отказу в пользовании информационно-телекоммуникационными ресурсами.

Проблемы в сфере виртуализации выявляются не только в доктринальных исследованиях. На сегодняшний день они всё чаще обнаруживаются на практике. Анализ судебных актов позволяет говорить о том, что участником «цифровых» правоотношений можно считать только то лицо, которое можно идентифици-

ровать¹. Однако может встретиться ситуация, когда владелец информационной платформы или иной программы и даже посредник в виртуальной среде осуществляют действия под чужой или анонимной цифровой проекцией или даже ложной проекцией. В связи с этим, правоохранительные органы не могут идентифицировать данных лиц и в виду этого не имеют возможности привлечь их к юридической ответственности. Так, истец обратился в арбитражный суд о признании не соответствующими действительности, порочащими деловую репутацию сведений, размещенных в сети Интернет на одном из сайтов социальной сети. Эти данные размещались анонимно. Для идентификации предполагаемого ответчика арбитражный суд направил запросы о предоставлении сведений об администраторе сайта. Администратор сайта установлен не был. Арбитражный суд признал сведения, размещенные на сайте не соответствующими действительности, порочащими деловую репутацию, однако привлечь правонарушителя к юридической ответственности не удалось².

Анализ судебных материалов показывает, что зачастую пользователи информационно-телекоммуникационных систем, цифровых платформ не являются добросовестными участниками процедуры аутентификации³. Они участвуют в правоотношениях в цифровой среде, создавая неаутентичный аккаунт, либо же используют соответствующие информационные разработки, позволяющие им действовать от лица другого субъекта или выдуманного, несуществующего субъекта.

Описанные практические проблемы возможно решить только комплексно и лишь путем законодательного регулирования «виртуальной» сферы жизни общества.

На данный момент на рассмотрении Государственной Думы находится законопроект N 992331-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных» (в части уточнения порядка обработки персональных данных)⁴. Он призван усовершенствовать порядок работы с документами – согласиями на обработку персональных данных, вводит условия и правила обезличивания, что упростит гражданам и организациям работу с согласиями на обработку персональных данных, создаст условия для использования массивов данных для развития новых цифровых технологий.

Ученые считают, что внесение соответствующих законодательных изменений сформирует «цифровую среду доверия» [8, с. 36]. Так, В.И. Кузнецов и П.П. Кабытов, анализируя положения вышеназванного законопроекта N 992331-7, приходят к выводу о том, что «цифровая среда доверия - совокупность информационных ресурсов в цифровой форме при взаимодействии с которыми и (или) с их использованием для субъектов права обеспечена информационная безопасность, стабильность и определенность правил и условий такого взаимодействия, а также гарантируется добросовестность и равенство участников информационного обмена». Авторы считают, что цифровые возможности создадут среду, в которой электронный документооборот почти полностью заменит бумажный,

1 Постановление Арбитражного суда Московского округа от 03.07.2018 по делу N А40-73666 /2017// СПС «Консультант. Плюс»

2 Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 14.05.2021 по делу N А56-71293/2020 // СПС «Консультант. Плюс»

3 Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 19.05.2020 по делу N33-3250/2020 // СПС «Консультант. Плюс»

4 О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных»: законопроект N 992331-7 / sozd.duma.gov.ru // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/992331-7> (дата обращения: 13.03.2022)

также повысится процент защиты персональных данных в цифровом пространстве. Данные положения непосредственно связаны с правовым статусом «виртуальной» личности. Возможно, в случае принятия данного законопроекта разрешится вопрос об идентификации лица в виртуальной среде.

Современным и инновационным направлением в цифровом пространстве является развитие и совершенствование электронных государственных систем. Алгоритмы автономного функционирования созданы в различных сферах: социальное обеспечение, государственные и муниципальные услуги, жилищно-коммунальное хозяйство, средства массовой информации и многое другое. Так, на сегодняшний день современные технологии позволяют лицам получать необходимую информацию и услуги в электронной форме. Согласно статистическим данным, это существенно повышает уровень доступности и мобильности услуг органов государственной и муниципальной власти, снижает коррупционные риски. Такие системы имеют прямое отношение к виртуализации и непосредственно «виртуальной» личности [9, с. 239].

Суть государственных программ по внедрению электронных систем, в частности, одной из самых известных - «Единого портала государственных и муниципальных услуг», такова: лицо регистрируется на официальном сайте путем поэтапного заполнения форм (вводит в систему персональные данные), заполняет соответствующие заявления и получает услугу электронно. Анализируя практику реализации государственных электронных услуг, можно отметить, что на сегодняшний день абсолютно дистанционного механизма нет. Лицо, так или иначе, непосредственно взаимодействует с представителями органов государственной власти для того, чтобы те осуществили определенные действия, например, идентифицировали субъекта. В частности, регистрация лица на Портале госуслуг возможна путем личного обращения в многофункциональные центры (МФЦ) либо в офисах некоторых почтовых отделений или банков. То есть, даже если лицо создает личный кабинет и учетную запись на сайте госуслуг, ему в любом случае будет необходимо подтвердить свою личность вышеуказанным способом. Для этого необходимо обратиться с паспортом в любой отдел МФЦ, определенного банка или почты за получением услуги «Регистрация на портале госуслуг (в ЕСИА)».

В некоторых случаях документы, подтверждающие совершение определенного юридически значимого действия или оказание соответствующей услуги, также выдаются лицам «на руки». С одной стороны, это затрудняет виртуализацию, которая и является целью всего процесса совершенствования электронной системы государственного управления, делает систему менее мобильной. Но, с другой стороны, неэлектронный документооборот и фактическое присутствие заявителя в структурных подразделениях органов государственной власти и общение с их представителями, позволяют идеально отождествить заявителя с его профилем в системе.

Если же в государственных информационных системах у лица нет шансов использовать чужой профиль или вводить недостоверные сведения о себе, то в частных информационных системах риск злоупотребления правами и, как следствие, совершение правонарушений и преступлений, существует.

Таким образом, можно сделать вывод, что для эффективной защиты прав и законных интересов пользователей информационных систем необходимо нормативно-правовое регулирование всех уровней «виртуальной» сферы жизни общества, в том числе вопросов идентификации субъектов. Признание «виртуальной» личности субъектом права возможно только при условии полной ее идентификации с реальным субъектом (физическим или юридическим лицом).

Библиографический список:

1. *Аничкин Е. С.* Модернизация конституционно-правового статуса личности в условиях цифрового пространства // Конституционное и муниципальное право. 2019. N 12. С. 19 – 22
2. *Карцхия А. А.* Цифровые права и правоприменение // Мониторинг правоприменения. 2019. N 2 (31). С. 13 – 15
3. *Танимов О. В., Кудашкин Я. В.* Перспективы правового регулирования отношений в сети Интернет // Информационное право. 2010. N 4 (23). С. 16 – 19
4. *Аксенова М. А.* Концепция «электронного лица» в правовом пространстве // Юрист. 2020. N 7. С. 18 – 24
5. *Тумаков А. В., Петраков Н. А.* Развитие цифровых правоотношений в современных реалиях // Вестник Московского университета МВД России. 2019. N 2. С. 26 – 29
6. *Бельский В. Ю., Майкова В. П., Молчан Э. М., Левицкая А. А.* Цифровая трансформация личности в виртуальной реальности // Социально-гуманитарные знания. 2021. N 4. С. 23 – 29
7. Цифровизация гражданского оборота: правовая характеристика «искусственного интеллекта» и «цифровых» субъектов (цивилистическое исследование): монография: в 5 т. Т. III / отв. ред. Л. Ю. Василевская. – М.: Изд-во Проспект, 2021. – 283 с.
8. *Кузнецов В. И., Кабытов П. П.* Теоретические подходы к категории «цифровая среда доверия» // Юридические исследования. 2021. N 2. С. 33 – 37
9. *Рязанов Я. Н.* Предоставление государственных и муниципальных услуг в электронной форме: проблемы и пути решения // Молодой ученый. 2019. N 26 (264). С. 238 – 240

References:

1. *Anichkin E. S.* (2019). Modernization of the constitutional and legal status of the individual in the digital space. Constitutional and Municipal Law. 12. pp. 19 – 22
2. *Kartschiya A. A.* (2019). Digital rights and law enforcement. Law Enforcement Monitoring. 2 (31). pp. 13 – 15
3. *Tanimov O. V., Kudashkin Y. V.* (2010). Prospects for legal regulation of relations on the Internet. Information Law. 4 (23). pp. 16 – 19
4. *Aksenova M. A.* (2020). The concept of “electronic person” in the legal space. Lawyer. 7. pp. 18 – 24
5. *Tumakov A. V., Petrakov N. A.* (2019). Development of digital legal relations in modern realities. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2. pp. 26 – 29
6. *Belsky V. Yu., Maikova V. P., Molchan E. M., Levitskaya A. A.* (2021). Digital transformation of personality in virtual reality. Social and Humanitarian Knowledge. 4. pp. 23 – 29
7. *Vasilevskaya L. Yu.* (2021). Digitization of civil circulation: legal characteristics of “artificial intelligence” and “digital” subjects (civilistic research). Prospect. p. 283
8. *Kuznetsov V. I., Kabytov P. P.* (2021). Theoretical approaches to the category “digital environment of trust”. Legal research. 2. pp. 33 – 37
9. *Ryazanov Ya. N.* (2019). Provision of state and municipal services in electronic form: problems and solutions. Young Scientist. 26 (264). pp. 238 – 240